

Б И Б Л И О Т Е К А

„ОГОНЁК“

И. С. ТУРГЕНЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРАВДА“

1949

СОДЕРЖАНИЕ

Повести и рассказы

	Стр.
Два приятеля	5
Затишье	53
Переписка	112
Яков Пасынков	137
Фауст. <i>Рассказ в девяти письмах</i>	171
Поездка в Полесье	205
Ася	219
Примечания	257

Редакция:

Н. Л. Бродский, И. А. Новиков, А. А. Сурков.

Обложка художника С. Телингатера

А — 05284. Подп. к печати 16/VII 1949 г. Печ. л. 16,25. Авт. л. 16,52.

Тираж — 125 000.

Заказ № 1158.

Типография газеты «Правда» имени Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

Б И Б Л И О Т Е К А

„ОГОНЕК“

И. С. ТУРГЕНЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т О М

6

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Москва. 1949

**ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ**

ДВА ПРИЯТЕЛЯ

Весной 184... года Борис Андреич Вязовнин, молодой человек лет двадцати шести, приехал в свое родовое поместье, лежащее в одной из губерний средней полосы России. Он только что вышел в отставку — «по домашним обстоятельствам» — и намеревался заняться хозяйством. Мысль благая, конечно! но возымел ее Борис Андреич, как оно, впрочем, большею частью бывает, — против воли. Доходы его уменьшались с каждым годом, долги увеличивались: он убедился в невозможности продолжать службу, жить в столице, — словом, жить, как жил до тех пор, и решился, скрепя сердце, посвятить несколько лет на исправление тех «домашних обстоятельств», по милости которых он внезапно очутился в деревенской глуши.

Вязовнин нашел свое имение расстроеным, усадьбу запущенной, дом чуть не в развалинах; сменил старосту, уменьшил оклад дворовых; очистил себе две-три комнатки и велел положить новые тесинки там, где протекала крыша; впрочем, не предпринял никаких резких мер и не затеял никаких усовершенствований вследствие той, повидимому, простой мысли, что должно, по крайней мере, узнать сперва то, что желаешь усовершенствовать... Вот он и принялся узнавать хозяйство, начал, как говорится, входить в сущность дела. Должно признаться, что входил он в сущность дела без особенного рвения и не торопясь. С непривычки он скучал в деревне сильно и часто не мог придумать, куда и на что употребить целый длинный день. Соседей у него было довольно много, но он не знал с ними, — не потому, чтобы чуждался их, а так, как-то не приходилось ему с ними сталкиваться; наконец, уже осенью, довелось ему познакомиться с одним из самых близких ему соседей. Его звали Петром Васильичем Крупицыным. Он когда-то служил в кавалерии и вышел в отставку поручиком. Между его мужиками и Вязовнинскими с незапамятных времен шел спор о двух с половиною десятинах сенокосной земли. Дело нередко доходило до драки; копны сена тайно переезжали с места на место; происходили разные неприятности, и, вероятно, много еще лет продолжался бы этот спор, если б Крупицын, узнав стороной о миролюбивых свойствах Бориса Ан-

дренча, не поехал к нему для личного объяснения. Объяснение это имело последствия очень приятные: во-первых, дело прекратилось тотчас же и навсегда, к обоюдному удовольствию владельцев; а во-вторых, и сами они друг другу понравились, стали часто видаться, а к зиме сошлись уже так, что почти не расставались.

И между тем общего между ними было немного. Вязовнин, как человек хотя сам не богатый, но происходивший от богатых родителей, получил хорошее воспитание, учился в университете, знал разные языки, любил заниматься чтением книг и вообще мог считаться человеком образованным. Крупницын, напротив, говорил с грехом пополам по-французски, без особенной нужды книги в руки не брал и скорее принадлежал к числу людей необразованных. Наружностью приятели тоже мало походили друг на друга: Вязовнин был довольно высокого роста, худ, белокур и смахивал на англичанина, держал свою особу, особенно руки, в большой чистоте, одевался изящно и щеголял галстуками... столичные привычки! Крупницын, напротив, был роста небольшого, сутуловат, смугл, черноволос и лето и зиму ходил в каком-то пальто-саке, с оттопыренными карманами, из сукна бронзового цвета. «Мне этот цвет за то нравится, — говаривал Петр Васильич: — что он не марок». Цвет сукна действительно не был марок, но само сукно порядком позапачкалось. Вязовнин любил хорошо покушать и охотно говорил о том, как приятно хорошо кушать и что значит иметь вкус; Крупницын ел все, что ни подавали ему, лишь бы только было над чем потрудиться. Попадались ли ему щи с кашей — он с удовольствием хлебал щи и заедал их кашей; представлялся ли ему немецкий жидкий суп — он с тою же готовностью налегал на суп, а случалась тут каша — он и кашу туда же валил в тарелку, — и ничего. — Квас любил он, по собственному выражению, как отца родного, а вина французские, особенно красные, терпеть не мог и называл кислятиной. Вообще Крупницын был очень далек от брезгливости, тогда как Вязовнин менял в день два носовых платка. Словом, приятели, как мы уже сказали выше, не походили друг на друга. Одно в них было общее: оба они были, что называется, добрые малые, простые ребята. Крупницын таким родился, а Вязовнин стал таким. Кроме того, они оба еще отличались тем, что ни тот, ни другой ничего особенного не любил, т. е. не имел ни к чему особенной страсти или привязанности. Крупницын шестью или восемью годами был старше Вязовнина.

Дни их проходили довольно однообразно. Обыкновенно утром, однако не слишком рано, часов в десять, — Борис Андренч еще сидел возле окна, в красивом шлафроке нараспашку, причесанный, вымытый и в белой, как снег, рубашке, с книжкой и чашкой чаю; — дверь отворялась, и входил Петр Васильич с обычным своим небрежным видом. Деревенька его

находилась всего в полуверсте от Вязовны (так называлось имение Бориса Андренича). Притом Петр Васильич очень часто оставался на ночь у Бориса Андренича. «А, здравствуйте! — говорили они оба в одно время. — Как почивали?» И тут же Федюшка (мальчик лет пятнадцати, одетый казачком, у которого даже волосы, стоявшие дыбом, как у турухтана весной, на затылке, имели вид заспанный) приносил Петру Васильичу его шлафрок из бухарской материи, и Петр Васильич, предварительно крикнув, облакался в свой шлафрок и принимался за чай и за трубку. Тут начинались разговоры — разговоры неторопливые, с промежутками и роздыхами: говорили о погоде, о вчерашнем дне, о полевых работах и хлебных ценах; говорили также о близлежащих помещиках и помещицах. В первые дни своего знакомства с Борисом Андреничем Петр Васильич почитал за долг и даже радовался случаю расспрашивать соседа о столичной жизни, о науке и образованности вообще — вообще о возвышенных предметах; ответы Бориса Андренича занимали, часто удивляли его и возбуждали его внимание, но в то же время причиняли ему некоторую усталость, так что в скорости все подобные разговоры прекратились; да и сам Борис Андренич, с своей стороны, не обнаруживал излишнего желания возобновлять их. Случалось впоследствии — и то изредка, — что Петр Васильич спросит вдруг Бориса Андренича, например, о том, что, дескать, за вещь электрический телеграф, и, выслушав не совсем ясное толкование Бориса Андренича, помолчит, скажет: «да, это удивительно» — и уже долго потом не любопытствует ни о каком ученом предмете. Большею частью разговоры между ними происходили вроде следующего. Петр Васильич, например, наберется дыму из трубки и, выпуская его через ноздри, спросит:

— А что это у вас за новая девушка? я на заднем крыльце видел, Борис Андренич.

Борис Андренич, в свою очередь, поднесет сигарку ко рту, пыхнет раза два и, отхлебнув глоток холодного чаю со сливками, промолвит:

— Какая новая девушка?

Петр Васильевич нагнется несколько в бок и, глянув в окно на двор, где собака только что укусила босого мальчика за икру, возразит:

— Белокурая такая... недурная.

— А! — воскликнет, немного погодя, Борис Андренич: — это у меня новая прачка.

— Откуда? — спросит Петр Васильич, словно удивившись.

— Из Москвы. В ученье была.

И оба помолчат.

— А сколько у вас всех прачек, Борис Андренич? — спросит опять Петр Васильич, внимательно глядя на вспыхивающий с сухим треском табак под нагоревшею золою в трубке.

— Три,— отвечает Борис Андреич.

— Три! У меня только одна. И одной-то делать почти нечего. Ведь у меня, вы сами знаете, какое мытье!

— Гм! — отвечает Борис Андреич.

И разговор прекращается на время.

В таких занятиях проходило утро и наступало время завтрака. Петр Васильич особенно любил завтрак и утверждал, что двенадцатый час — это есть самое то время, когда хочется человеку есть; и действительно: он в этот час ел так весело, с таким здоровым и приятным аппетитом, что, глядя на него, даже немец бы порадовался: так славно завтракал Петр Васильич! Борис Андреич кушал гораздо меньше: с него достаточно было куриной котлетки или двух яичек в смятку с маслом и какой-нибудь английской приправы в хитро устроенном и патентованном сосуде, за которую платил он большие деньги и которую тайне находил отвратительною, хотя и уверял, что без нее ничего в рот взять не может. После завтрака и до обеда оба приятеля, если погода была хорошая, ходили по хозяйству или так, просто, гуляли, смотрели, как объезжались молодые лошади, и т. д. Иногда добирались они до деревни Петра Васильича и изредка заходили в его домик.

Домик этот, небольшой и ветхий, скорее походил на простую дворовую лачужку, чем на жилище помещика. По соломенной крыше, кругом пробуравленной воробьиными и галочными гнездами, рос зеленый мох; из двух осиновых срубов, некогда сплоченных и прилаженных, один откинулся назад, другой покачнувшись вбок и врос в землю; словом, плох был дом Петра Васильича снаружи, плох изнутри. Но Петр Васильич не унывал: будучи человеком холостым и вообще невзыскательным, он мало радел об удобствах жизни и довольствовался уже тем, что имел местечко, где мог по нужде укрыться от ненастья и холода. Хозяйством его заведывала ключница Македония, женщина средних лет, очень усердная и даже честная, но с несчастными руками: ничего у ней не спорилось, посуда билась, белье рвалось, кушанье не доваривалось или пригорало. Петр Васильич называл ее Калигулой.

Имея врожденную склонность к хлебосольству, Петр Васильич любил видеть у себя гостей и угощать их, несмотря на скудность средств своих. Особенно старался и хлопотал он, когда посещал его Борис Андреич; но, по милости Македонии, которая, впрочем, чуть не летела с ног долой на каждом шагу от усердия, угощения бедного Петра Васильича выходили всегда очень неудачны и большей частью ограничивались куском зачерствелого балыка и рюмкой водки, о которой он отзывался совершенно справедливо, говоря, что она отлична *против* желудка. После прогулки оба приятеля возвращались в дом Бориса Андреича и обедали не спеша. Покушавши так, как будто завтрака и не было, Петр Васильич отправ-

лялся куда-нибудь в уединенный угол и спал часика два-три; Борис Андреич в это время читал заграничные журналы. Вечером приятели опять сходились: такая уже между ними завелась дружба! Иногда они садились играть в преферанс, вдвоем, иногда просто разговаривали таким же образом, как поутру; случалось, что Петр Васильич брал со стены гитару и пел довольно приятным тенором разные романсы. Петр Васильич очень любил музыку, гораздо более, чем Борис Андреич, который без восхищения не мог произнести имени Бетховена и все собирался выписать из Москвы фортепьяно. В минуту грусти или уныния Петр Васильич имел привычку петь романс, относившийся ко времени его службы в полку... С особенным чувством и несколько в нос произносил он следующие стихи:

Кухню нам француз не правит,
А денщик варит обед...
Славный Роде не играет,
Каталани не поет...
Трубач зорю отхватает,
Вахмистр с рапортом придет.

Борис Андреич изредка ему подтягивал, но голос у него был неприятный и неверный. Часу в десятом, а иногда и раньше, приятели расходились... и на другой день снова началось то же.

Вот однажды, сидя, по обыкновению, несколько вкось и напротив Бориса Андреича, Петр Васильич поглядел на него довольно пристально и промолвил задумчивым голосом:

— Одному я удивляюсь, Борис Андреич..

— Чему это? — спросил тот.

— А вот чему. Вы человек молодой, умный, образованный: что вам за охота жить в деревне?

Борис Андреич посмотрел с удивлением на своего соседа.

— Вы ведь знаете, Петр Васильич, — проговорил он наконец: — что если б не мои обстоятельства... Обстоятельства меня к этому принуждают, Петр Васильич.

— Обстоятельства? обстоятельства ваши пока еще ничего... С вашим именем можно жить. Определитесь на службу.

И, помолчав немного, Петр Васильич прибавил:

— Я на вашем месте поступил бы в уланы.

— В уланы? Почему же именно в уланы?

— Так, мне кажется, вам приличнее быть в уланах.

— Но позвольте: вы сами служили в гусарах?

— Я? Конечно, в гусарах, — с живостью загворил Петр Васильич: — и в каком полку! Такого другого полка в целом свете не найдешь! Золотой был полк! Начальники, товарищи — что за люди были! Но вам... я не знаю... вам, по-моему, надо в уланы. Вы белокуры, талия у вас тоненькая: все это идет.

— Но позвольте, Петр Васильич, вы забываете, что, в силу военных узаконений, я должен буду начать с юнкерского чина. В мои годы это несколько затруднительно. Кажется, даже оно запрещено.

— И то правда,— заметил Петр Васильич и потупился. — Ну, в таком случае, женитесь,— произнес он вдруг, подняв голову.

— Какой у вас, однако, сегодня странный оборот мыслей, Петр Васильич! — воскликнул Борис Андренич.

— Почему же странный? Что, в самом деле, жить так-то? Чего дождетесь? Только время упустите. Желая я знать, какая вам оттого будет польза, что вы не женитесь?

— Да не в пользу дело,— начал было Борис Андренич.

— Нет, позвольте,— перебил его Петр Васильич, неожиданно войдя в азарт. — Это мне удивительно, отчего в нынешнее время молодые люди так боятся жениться! Я этого просто понять не могу. Вы, Борис Андренич, не смотрите на меня, что я не женат. Я, может быть, и хотел и предлагал, да мне вот что показали.

И тут Петр Васильич поднял кверху указательный палец правой руки, обратив его наружной стороной к Борису Андреничу.

— А с вашим состоянием как не жениться!

Борис Андренич внимательно глядел на Петра Васильича.

— Весело, что ли, холостым-то жить? — продолжал Петр Васильич. — Эка невидаль! вот радость... Право, меня нынешние молодые люди удивляют.

И Петр Васильич с досадой выколотил трубку о ручку кресел и сильно дунул в чубук.

— Да кто вам сказал, Петр Васильич, что я не намерен жениться? — медленно проговорил Борис Андренич.

Петр Васильич как полез пальцами в свой вышитый блестками, бархатный, массакового цвета кисет с табаком, так и остался недвижим. Слова Бориса Андреевича его изумили.

— Да,— продолжал Борис Андренич: — я готов жениться. Сыщите мне невесту, и я женюсь.

— Право?

— Право.

— Нет, ей богу?

— Какой вы, Петр Васильич; ей богу, я не шучу.

Петр Васильич набил себе трубку.

— Ну, смотрите же, Борис Андренич. Невеста вам будет.

— Хорошо,— возразил Борис Андренич. — но послушайте, в сущности, для чего вы хотите женить меня?

— А для того, что вы, как посмотрю на вас, не имеете способности этак ничего не делать.

Борис Андренич улыбнулся.

— Мне, напротив, до сих пор казалось, что я на это мастер.

— Вы меня не так поняли,— промолвил Петр Васильич и переменял разговор.

Дня два спустя Петр Васильич явился к своему соседу не в обыкновенном своем пальто-саке, а в сюртуке, цвета воронова крыла, с высокой тальею, крошечными пуговицами и длинными рукавами. Усы Петра Васильича казались почти черными от фабры, а волосы, круто завитые спереди, в виде двух продолговатых колбасок, ярко лоснились помадой. Большой бархатный галстук, с атласным бантом, туго сжимал шею Петра Васильича и придавал торжественную неподвижность и праздничную осанку всей верхней части его туловища.

— Что значит этот туалет? — спросил Борис Андреич.

— А то значит этот туалет,— ответил Петр Васильич, опускаясь на кресла не с обычной своей развязностью: — что велите заложить коляску. Мы едем.

— Куда это?

— К невесте.

— К какой невесте?

— А вы уже забыли, о чем мы четвертого дня разговаривали с вами?

Борис Андреич засмеялся, а сам смутился в душе.

— Помилуйте, Петр Васильич, да ведь это была одна шутка.

— Шутка? Как же вы божились тогда, что не шутите? Нет, уж извините, Борис Андреич, а вы должны сдержать свое слово. Я уж принял надлежащие меры.

Борис Андреич еще более смутился.

— Какие, однако, то есть, меры? — спросил он.

— О, не беспокойтесь... Что вы думаете! Я только пред-варил одну нашу соседку, прелюбезную особу, что мы с вами сегодня намерены посетить ее.

— Кто эта соседка?

— Узнаете — погодите. Вот вы сперва оденьтесь да велите лошадей заложить.

Борис Андреич с нерешительностью поглядел кругом.

— Право, Петр Васильич, что вам за охота... посмотрите, какая погода.

— Ничего погода: она всегда такая бывает.

— И далеко ехать?

— Верст пятнадцать.

Борис Андреич помолчал.

— Да хоть позавтракайте сперва!

— Позавтракать — ничего, можно. Знаете что. Борис Андреич: подите, оденьтесь теперь, а я без вас распоряжусь: водочки, икры кусок — это не долго, а у вдовушки нас покормят — об этом беспокоиться нечего.

— Разве она вдова? — спросил, обернувшись, Борис Андренч, который уже подходил к дверям кабинета.

Петр Васильич закачал головой.

— Вот увидите, увидите.

Борис Андренч ушел и запер за собою дверь, а Петр Васильич, оставшись один, распорядился и насчет коляски и насчет завтрака.

Борис Андренч одевался довольно долго. Петр Васильич выпивал уже, слегка наморщившись и приняв грустный вид, вторую рюмку водки, когда Борис Андренч предстал на пороге кабинета. Он позаботился о своем туалете. На нем был щегольски сшитый просторный черный сюртук, приятно отделявшийся своей матовой массой от томного блеска светлосерых брюк, черный низенький галстук и красивый темно-синий жилет; золотая цепочка, прицепленная крючком к последней петельке, скромно терялась в боковом кармане; тонкие сапоги благородно скрипели, и вместе с появлением Бориса Андренча разлился в воздухе запах *ess'bouquet'a* в соединении с запахом свежего белья. Петр Васильич только и мог произнести, что «а!», и тотчас взялся за шапку.

Борис Андренч натянул на левую руку лайковую серую перчатку, предварительно подышав в нее; потом тою же рукою нервически налил себе четверть рюмки водки и выпил; наконец, взял шляпу и вышел вместе с Петром Васильичем в переднюю.

— Я это только для вас делаю, — сказал Борис Андренч, сядясь в коляску.

— Положим, что для меня, — сказал Петр Васильич, на которого, видимо, подействовал изящный вид Бориса Андренча: — а может быть, вы сами будете меня благодарить.

И он сказал кучеру, как и куда ехать. Коляска покатилась.

— Мы едем к Софье Кирилловне Заднепровской, — промолвил Петр Васильич после довольно продолжительного промежутка, в течение которого оба приятеля сидели неподвижно, словно каменные. — Слыхали ли вы про нее?

— Кажется, слыхал, — отвечал Борис Андренч. — Что же, вы ее-то мне в невесты прочите?

— А почему же бы и нет? Она женщина отличного ума, с состояньем, с манерами, можно сказать, столичными. Впрочем, поглядите... ведь это вас ни к чему не обязывает.

— Еще бы! — возразил Борис Андренч. — А сколько ей лет?

— Лет двадцать пять или двадцать семь — никак не более. В самом, как говорится, соку!

До имения госпожи Заднепровской было не пятнадцать, а добрых двадцать пять верст, так что Борис Андренч порядком продрог под конец и все прятал свой покрасневший носик в бобровый воротник шинели. Петр Васильич не боялся холода

вообще — и, в особенности, когда был одет по-праздничному. Тогда он скорее подвергался испарине. Усадьба госпожи Заднепровской состояла из новенького белого домика, с зеленой крышей, в виде дачи, в городском вкусе, с небольшим садиком и двором. Под Москвою часто можно встретить подобные дачи; в провинции они попадаются реже. Видно было, что госпожа Заднепровская поселилась тут недавно. Приятели вышли из коляски. На крыльце встретил их лакей, в гороховых панталонах и сером, круглом фраке, с гербовыми пуговицами; в передней, довольно опрятной, но с коником, встретил их другой, такой же лакей. Петр Васильич велел доложить барыне о себе и о Борисе Андреече. Лакей не пошел к барыне, а отвечал, что приказано просить.

Гости оправились и через столовую, в которой оглушительно трещала канарейка, вошли в гостиную, с модной мебелью из русского магазина, очень ухищренной и изогнутой, под предлогом доставления удобства сидящим, а в сущности очень неудобной. Не прошло двух минут, как послышался в соседней комнате шелест шелкового платья; портьерка приподнялась, и проворными шагами вошла в гостиную хозяйка. Петр Васильич расшаркался и подвел к ней Бориса Андрееча.

— Очень рада с вами познакомиться и давно этого желала, — развязно проговорила хозяйка, быстро окинув его взором: — я очень благодарна Петру Васильичу за доставление такого приятного знакомства. Прошу садиться.

И хозяйка села, прошумев платьем, на низкий диванчик, прислонилась к спинке, протянула ноги, обутые в очень миленькие ботинки, и скрестила руки. Платье на ней было зеленое, с беловатыми переливами, гляссе, с воланами в несколько рядов.

Борис Андрееч сел на кресла против нее. Петр Васильич — немного поодаль. Разговор начался. Борис Андрееч внимательно рассматривал Софью Кирилловну. Это была женщина стройная, высокая, с тонкой тальей, смуглая и довольно красивая. Выражение ее лица и особенно глаз, больших и блестящих, с приподнятыми углами, как у китайцев, являло странную смесь смелости и робости и никак не могло назваться естественным. Она то щурила свои глаза, то внезапно их раскрывала; а на губах у ней постоянно играла улыбка, желавшая казаться равнодушной. Все движения Софьи Кирилловны были очень свободны, почти резки. Впрочем, наружность ее понравилась Борису Андреечу; только неприятно подействовал на него косой пресбор волос, придававший ее чертам лихой и мальчишеский вид; сверх того она, по его мнению, слишком чисто и правильно выражалась по-русски... Борис Андрееч разделял мнение Пушкина, что —

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки

нельзя любить русской речи. Словом, Софья Кирилловна принадлежала к числу тех женщин, которых любезники величают ловкими дамами, мужа — боевыми особами, а старые холостяки — разбитными бабенками.

Сперва разговор зашел о том, что очень скучно жить в деревне.

— Здесь просто нет живой души, просто не с кем словом перекинуться, — говорила Софья Кирилловна, особенно отчетливо произнося букву *с*. — Я не могу понять, что за люди здесь живут. А те, — прибавила она с ужимкой: — с которыми было бы приятно познакомиться, — те не ездят, оставляют нас, бедных, в нашем невеселом одиночестве.

Борис Андреич слегка наклонился вперед и пробормотал какое-то неловкое извинение, а Петр Васильич только глянул на него, как бы желая сказать: «ну, что я вам говорил? Кажется, эта за словом в карман не полезет».

— Вы курите? — спросила Софья Кирилловна.

— Курю... но...

— Сделайте одолжение... я сама курю.

И, сказав эти слова, вдова взяла со столика довольно большую серебряную сигарочницу, достала из нее папироску и предложила гостям. Оба гостя взяли по папироске. Софья Кирилловна позвонила и велела вошедшему мальчику, с красным жилетом во всю грудь, подать огня. Мальчик принес восковую свечу на хрустальном подносе. Папироски задымались.

— Ведь вот, например, вы не поверите, — продолжала вдова, слегка закинув голову и пуская дым тонкой струей вверх: — здесь есть люди, которые находят, что дамам не следует курить. А уж верхом ездить — сохрани боже! просто каменьями побьют. — Да, — прибавила она после небольшого молчания: — все, что выходит из-под общего уровня, все, что нарушает законы какого-то выдуманного приличия, подвергается здесь строжайшему осуждению.

— Особенно барыни на этот счет сердиты, — заметил Петр Васильич.

— Да, — возразила вдова: — беда попасть к ним на зубок! Впрочем, я с ними не знаюсь вовсе: сплетни их не проникают в мое пустынное убежище.

— И вам не скучно? — спросил Борис Андреич.

— Скучно? Нет. Я читаю... А когда книги мне надоедают, мечтаю; гадаю о будущем, задаю вопросы своей судьбе.

— Будто вы гадаете? — спросил Петр Васильич.

Вдова снисходительно улыбнулась.

— Почему же и не гадать? Я уже довольна стара для этого.

— О, что вы-с! — возразил Петр Васильич.

Софья Кирилловна, прищурившись, посмотрела на него.

— Впрочем, бросимте этот разговор,— промолвила она и с живостью обратилась к Борису Андренчу: — послушайте, мсье Вязовнин, я уверена, что вы интересуетесь русской литературой?

— Да... конечно, я...

Вязовнин любил читать, но, собственно, по-русски читал неохотно и мало. Особенно новейшая словесность была ему незнакома: он остановился на Пушкине.

— Скажите, пожалуйста, отчего Марлинский в последнее время впал в такую немилость? Это, по-моему, в высшей степени несправедливо. Вы какого о нем мнения?

— Марлинский — писатель с достоинствами, конечно, — возразил Борис Андренч.

— Он поэт; он уносит воображение в мир... в какой-то очаровательный, чудесный мир; а в нынешнее время всё стали описывать ежедневное. Ну, помилуйте, что хорошего в этой ежедневной жизни здесь, на земле...

И Софья Кирилловна провела рукой вокруг себя.

Борис Андренч значительно посмотрел на Софью Кирилловну.

— Я не согласен с вами. Я нахожу много хорошего и здесь, — сказал он, с особенным ударением на последнем слове.

Софья Кирилловна внезапно засмеялась каким-то резким смехом, а Петр Васильич так же внезапно поднял голову, подумал и опять принялся курить. Разговор продолжался в том же роде, как начался, до самого обеда, беспрестанно переходя от одного предмета к другому, чего не случается, когда разговор становится действительно занимательным. Между прочим, речь зашла о браке, о его выгодах и невыгодах, и о положении женщин вообще. Софья Кирилловна сильно восставала против брака, пришла, наконец, в волнение и, почувствовав жар, выражалась очень красноречиво, хотя собеседники ее ей почти не противоречили: она не даром любила Марлинского. Она также умела кстати прибегнуть к украшениям новейшего слога. Слова: артистический, художественность, обуславливать так и сыпались из ее уст.

— Что может быть для женщины дороже свободы — свободы мыслей, чувств, поступков! — воскликнула она наконец.

— Да позвольте, — перебил ее Петр Васильич, лицо которого понемногу начинало принимать выражение недовольное: — на что женщине свобода? что она с нею сделает?

— Как, что? А мужчине она, по-вашему, нужна? То-то и есть: вы, господа...

— Да и мужчине она не нужна, — перебил ее опять Петр Васильич.

— Как, не нужна?